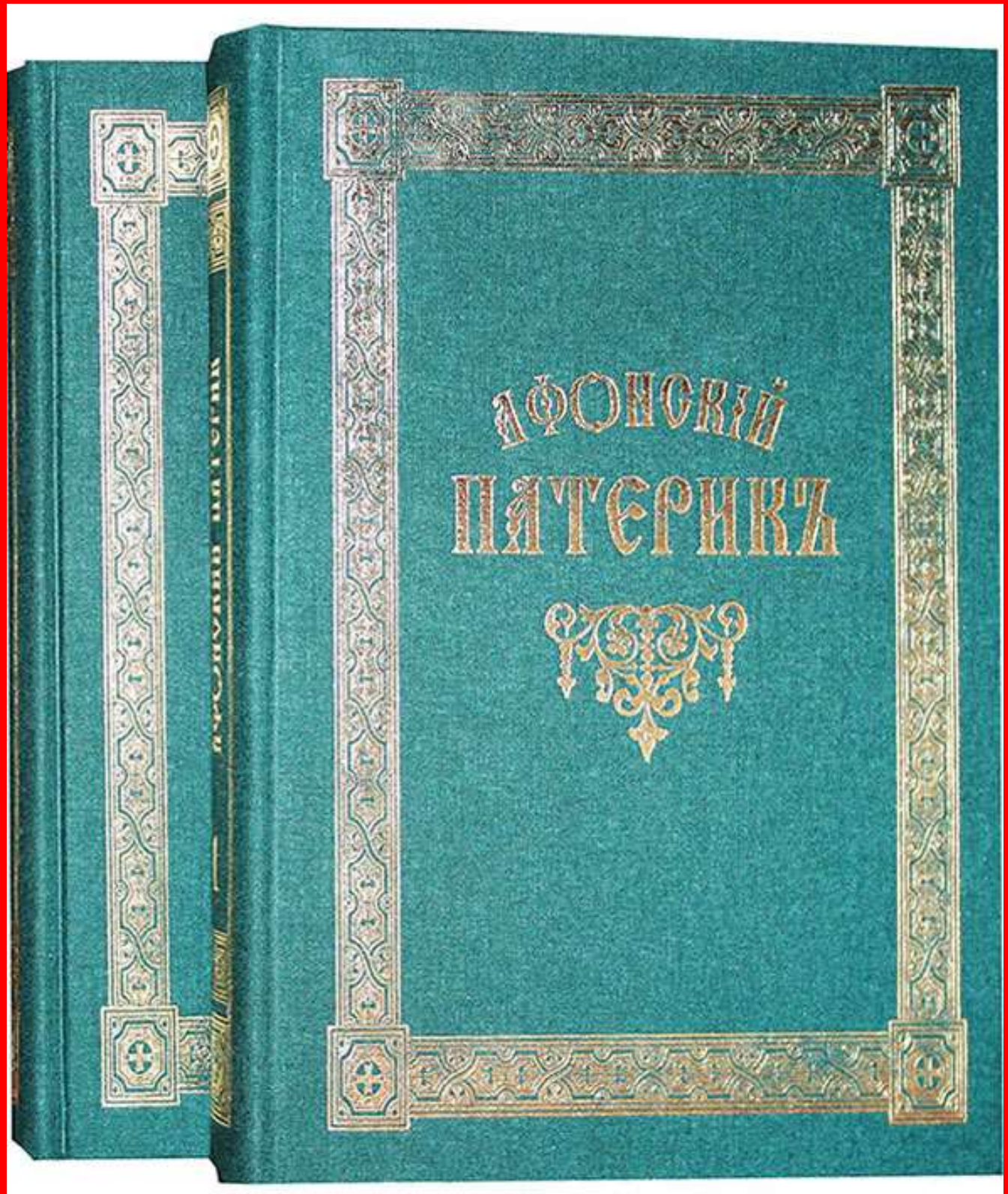

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

23 ЯНВАРЯ

Житие преподобного Дионисия, подвизавшегося долгое время на святой горе Афонской и скончавшегося на Олимпе⁶¹

Благословен Бог, укрепляющий и ныне рабов Своих, мужественно ратующих на невидимых супостатов-демонов: эти избранные при содействии благодати Божией низлагая полчища сатаны, венчаются и прославляются Богом в обличие маловерных, которые, уклоняясь на путь разврата и суеты, оправдывают собственную свою погибель и действие своих страстей тем, что будто ныне не те времена, чтоб угождать Богу так, как люди угождали Ему прежде. Очевидная ложь: появление и в наши времена мучеников и преподобных, по всему подобным древним святым, доказывает, что время не может иметь никакого влияния на спасение истинно желающих спасения и что оно зависит от нашего собственного изволения и решимости неуклонно шествовать по крестным стезям евангельского самоотвержения при помощи Божией, которая как прежде, так и ныне неистощима для людей и неизменима, как

неизменим в существе Своем Бог. Из числа многих, подтверждающих собой эту истину, мы укажем на богоносного Дионисия, который превзошел и древних, потому что тогда было много добродетельных, и один из них подражал и соревновал другому, а ныне, при малом числе опытных, не дивно, если некоторые, не имея в виду образцов подражания, ослабевают в строгих подвигах христианского благочестия. Цель, с которой я предлагаю повествование о богоугодной жизни преподобного Дионисия, есть та, чтобы сколько, с одной стороны, пресечь ложные мнения людей нынешнего света о невозможности в наше время угождать Богу, столько, с другой – доставить спасающимся утешение и пример к поддержанию сил подвижнического их духа. А что буду я говорить совершенную правду и не напишу от себя ничего, кроме того, что рассказали мне богоносные и достоверные отцы, в том свидетель Бог. Я твердо помню, что долг и справедливость требуют не скрывать душеполезных повестей, но передавать их всем и каждому с тем, чтобы, зная их, всякий подражал деяниям и подвигам святых. Итак, остановите внимание на этом моем повествовании.

В фанарийской епархии есть селение, называемое Платиной: в нем родился преподобный Дионисий. Родители его были люди бедные, но благочестивые – Николай и Феодора, которые, с трудом доставляя себе пропитание, воспитывали своего младенца с особенной попечительностью. По ночам, когда лежал он в колыбели, видели они чудное явление: над ним, как солнце, сиял крест, проявлявший, как думали они, будущее его назначение, то есть что он отречется мира и всех плотских мудрований, по словам святого Апостола, «и распнется Христу» (Гал. 2, 19). Видя такое чудное дитя, родители его прославляли Бога и радовались о нем. Когда исполнилось отроку 6 лет, отдали его учиться начаткам как внешнего образования, так и Священному Писанию. Прилежание и природные дарования, существенно же благодать Святаго Духа до такой степени открылись в юном Дионисии, что он в короткой время, изучив все необходимое для ума, образовал и свое сердце в строгих правилах христианской нравственности, так что был дивом для многих, видевших, как он хранил себя от дурного сотоварищества и свойственных юному возрасту игр, как постоянно упражнялся в чтении Божественных книг и во всеобщих молитвах и как, наконец, подавлял в себе всякое

неприятное чувство плотского мудрования и томил свое тело, возвышаясь таким образом над всем чувственным и окрыляясь Божественным желанием духа молитвенного. В то время родители его умерли. Вследствие сего, по своей нестяжательности и по бедности родителей не имея даже необходимого, юноша брал детей и обучал их грамоте и чистописанию, и это было источником жизненного его продовольствия. Между тем, видя, как все временное суетно, как все в мире отвлекает человека от существенных его занятий своим спасением, юный Дионисий решился оставить все и посвятить себя иноческой жизни. Тогда как занимала его эта спасительная мысль и не давала ему покоя, прибыл в селение то, где пребывал Дионисий, один священноинок из метеорских монастырей, именем Анфим. Дионисий познакомился с ним, подробно выведал от него о правилах подвижнической их жизни и наконец решился отправиться с ним, не взяв из родительского стяжания ничего, кроме одного серебряного стакана, который подарил сему самому Анфиму. По прибытии в Метеоры он подчинил себя известному тогда по добродетельной жизни старцу, именем Савва, и повиновался ему с великим смирением, видя в нем для себя образец подражания в исполнении иноческих

обязанностей. Впрочем, не долго пребыл там Дионисий. Зная по слухам о чрезвычайных удобствах святой Афонской Горы для безмолвия и пустынного подвижничества, он просил позволения у старца удалиться на Афон. Искренно любивший скромного и смиренного своего послушника, старец ни под каким видом не соглашался на то, тем более, что в Дионисии видел он и сподвижника в духовной жизни, и опору старческих своих дней. Боясь же, чтобы он не убежал тайно, старец запер ворота обители и спрятал лестницы. Но напрасно. Юноша знал, что побуждения его к странствованию на Святую Гору чисты и приятны Господу, а потому, не давши еще в Метеорах обетов иноческих, решился тайно скрыться оттуда без соизволения и ведома старческого. Итак, в одну ночь, возлагая твердое упование на Владыку Христа, он спустился с монастырской ограды и, при помощи Божией, не потерпев ничего, несмотря на высоту стен, потек на Афон, как лань на источники водные. По прибытии туда он прежде всего расспросил: где бы ему найти старца, чтобы под его руководством мог он положить начало подвижнической жизни, – и ему указали на чудного Серафима. Дионисий явился к старцу и принят был им с радостью, сначала как странник, а потом мудрый

Серафим стал считать его учеником, и изложив ему правила совершенной отшельнической жизни, оставил его у себя. Под строгим водительством его юный Дионисий день ото дня так преуспевал в подвижничестве, что чрез некоторое время был удостоен ангельского образа, а потом рукоположен в диакона. Чрезвычайное благоговение в священнослужении, трогательное смирение Дионисия и преуспеяние его в опытах подвижнической жизни восхищали, удивляли и радовали старца. Так, например, однажды в Вербное воскресенье, отслуживши Литургию, преподобный удалился из кельи в пустынный лес и пробыл там до Великой субботы. Впоследствии на вопрос старца, чем он питался в течение стольких дней и где находился, преподобный отвечал ему, что был в скиту Каракалле, питался каштанами и укропом. Старец удивился.

Между тем, дивный Серафим был избран протом Горы, а вследствие сего по правилам тогдашнего времени послали его в Валахию в сопутствии игуменов. Чтоб и Дионисий имел своего рода послушание, общим советом старческим положено рукоположить его в пресвитера для служения в протатском соборе, вместо отправлявшегося Серафима. По возвращении же последнего, оставаясь по-

прежнему с ним в продолжение некоторого времени, преподобный стал наконец проситься на безмолвие для более возвышенных подвигов и постоянного молитвословия, что было с давнего времени предметом пламенного его желания. Серафим, хотя и весьма желал удержать его при себе для успокоения своей старости, однако же не хотел стеснять свободу его и подавлять в нем стремление к безмолвию и потому предоставил ему на волю идти куда хочет, с тем, впрочем, чтобы он по временам приходил к нему для взаимных бесед о пользах души и о случающихся демонских искушениях, особенно ратующих на мысль и сердце. Таким образом, получив старческое благословение на подвиги пустынной жизни, он начал искать места, которое бы имело все условия для безмолвия. И Бог указал ему желанное место. Близ скита Каракаллы нашел он глубокую и неудобопроходимую пустыню. Погрузившись в нее, он устроил себе там тесную каливу, или шалаш, и как труженически жил, один только Бог видел и ведал. Пищу его составляли каштаны, которыми Святая Гора изобилует, и редко когда вкушал обыкновенный хлеб в соседственных кельях, куда был иногда приглашаем для священнодействия. Нестязательность его была такова, что куда бы

ни отправлялся он из своей пустыни, всегда оставлял дверь кельи незатворенной, потому что в ней не было ничего, на что бы могла покушаться неприязненная рука татя. Впоследствии устроил он при своей каливе небольшой храм в честь Пресвятой Троицы, при котором и оставался три года, ангельски славословя Бога день и ночь и проходя безстрастно жизненный свой путь, вследствие чего и удостоивался Божественных откровений. Наконец пожелал он видеть и святые места, где Спаситель наш был распят, чтоб там созерцать события жизни Христовой и усладить свое сердце видением самых мест, где они совершились во спасение Адама, всеродно падшего. Такое желание, конечно, свойственно всем, кто пламенеет серафимской любовью ко Христу, – свойственно так же, как взаимно любящие за отсутствием любимого лица желают по крайней мере иметь пред очами или одежду любимого, или то, что входит в состав принадлежащих ему вещей. Итак, преподобный, оставив Святую Гору, отправился в Иерусалим, где и поклонился всем святым местам с невыразимой радостью и весельем духа. Иерусалимский патриарх тогдашнего времени, зная жизнь и чистоту преподобного, усиливался оставить его при себе с целью избрать его

преемником своей кафедры, как достойного принять жезл иерархического служения, но преподобный ни под каким видом не согласился на такое предложение, извиняясь своими немощами и, смиренно отклонив от себя честь, которой удостаивал его святейший, опять удалился на Святую Гору для обычных подвигов в невозмутимой тишине пустынного своего безмолвия. Здесь Господь за великие подвиги уже осязаемо явил ему особенное Свое о нем промышление и отеческую попечительность, что ясно заметил преподобный при обновлении и расширении своего храма. В то самое время, как он занимался перестройкой его, один из знакомых ему братьев посетил его и видит, что два незнакомца содействуют ему во всех его занятиях. На вопрос, кто они, преподобный отвечал посетителю, что он не видел и не видит при своей работах никого стороннего. Между тем, как таким образом они разговаривали, незнакомцы стали невидимы. Из этого преподобный заключил, что Богу приятен труд его. Подобным образом в субботу сырной недели Бог чудесно послал ему и брашна в подкрепление телесных сил для достойного совершения четырехдесятидневного поста.

Не менее трогательно попечение Промысла и о сохранении жизни преподобного от

разбойнического на нее посягательства. Когда преподобный безмолвствовал в пустыни, многие из иноков Святой Горы обращались к нему для советов и назидания; видя это, один разбойник, в той мысли, что приходящие к святому дают ему деньги, вознамерился убить его и похитить имущество. Однажды он тайно подкрался к келье преподобного и скрылся в соседственном потоке с целью, когда будет можно, исполнить губительное свое намерение, однако же, прождав весь день, не видел он Дионисия, тогда как наверное знал, что его не было дома и что, возвращаясь, он непременно должен был проходить мимо него потоком. Чтоб убедиться, точно ли преподобный возвратился, разбойник приходит к келье и видит там преподобного. Это удивило его. На вопрос, как, когда и каким путем возвращался он в свою келью, преподобный отвечал, что возвратился он обыкновенным путем чрез поток. Пораженный страхом, разбойник пал к ногам святого и, чистосердечно исповедав грех свой и посягательство на жизнь его, просил у него прощения и ходатайства пред Богом. Незлобивый старец простил разбойника, много говорил ему о покаянии и при содействии благодати Божией довел его до того, что он тогда же дал слово исправиться и, удалившись в один

из монастырей, при Божией помощи сделался добрым и искусным монахом. А преподобный между тем, тронутый особенным о нем Промыслом Божиим, в течение семи лет неослабно подвизался в своем безмолвии, так что наконец слава добродетельной его жизни, по воле Божией, вызвала его из пустыни, ибо братия Филофеевской обители, лишившись игумена, убедительно просили преподобного заступить его место и быть для них отцом и настоятелем. Смиренный Дионисий сначала отказывался от предлагаемого достоинства, признавая себя слабым понести столь тяжкое бремя правления, но впоследствии, узнав, что на то есть воля Господня, оставил свое безмолвие ради спасения братьев и вступил в должность настоятеля Филофеевской обители, которая тогда была в ведении болгар. По принятии правления обителью он прежде всего озаботился приведением ее в порядок. А чтобы поддержать источник продовольствия, сам лично отправился в Константинополь для испрошения милостыни, в чем и помог ему Господь в весьма удовлетворительной степени. Но так как среди пшеницы всегда бывают плевелы, то и в числе братства Филофеевской обители нашлись иноки, которые, теряя из виду собственное благо и пренебрегая обетами ангельского образа, начали

роптать и жаловаться на преподобного Дионисия, поставляя ему в вину изменение некоторых обычаев прежней их жизни и строгость правил в отношении к церковной службе. Видя, что ропот этот не перестает, преподобный, свыкшийся с безмолвием и тишиной, а не смутами жизни, сложил с себя звание игумена и в соупутствии нескольких искренно преданных ему братьев удалился в Веррию, где и поселился в ските преподобного Антония, состоявшего в то время только из двадцати иноков. Здесь по-прежнему проводил он жизнь в неусыпных трудах братского послушания и подавал собой пример подвижнического безстрастия и ангельской чистоты. Там обновил он храм Предтечи и для иноческого своего общества составил правила, сам исполняя в виду всех то, чему учил других. Вследствие сего многие из Веррии притекали к нему и, внимая сладким его беседам, оставляли мир и вручали себя мудрому его водительству на крестных стезях иноческого труда.

Тогда как преподобный заботился не только о пользах собственного своего скита, но и о спасении мирян, нарочно для сего посещая селения их и увещевая христиан к добродетельной жизни, – епископ Веррии отошел ко Господу. Сиротствующая паства,

желая иметь у себя пастырем преподобного, обратилась к нему с убедительной и настоятельной просьбой принять жезл иерархического правления. Смиранный Дионисий сколько с своей стороны ни отказывался от этого высокого звания, считая себя недостойным, – просьбы не умолкали. Чтоб избавиться от докучливости людей, он просил их дать ему время на размышление и на узвание воли Божией. Народ успокоился, а между тем, при наступлении ночи, преподобный скрылся. Таким образом, кафедру Веррийской Церкви занял некто афинянин, именем Неофит, которого, впрочем, через год лишили оной, как не оправдавшего высокое свое достоинство жизнью. Чтобы снова не пал жребий свидетельства на преподобного и чтоб избавиться от молвы народной, преподобный удалился на Олимпийскую гору. Там в местечке, лежащем при подошве горы, разведал он через одного из поселян о положении Олимпа и, узнав, что на Олимпе есть места, чрезвычайно удобные для иноческого безмолвия, при помощи того человека достиг горнего места, где и поныне существует монастырь Святой Троицы, и, видя живописное положение и красоты тамошней пустынной природы, исполнился радости и веселья и сказал: остаюсь жить здесь, на горе,

потому что она имеет все удобства для уединенной жизни! Таким образом, питаясь подаянием означенного селянина, преподобный погрузился в пустыню и провел в ней довольно долгое время. Между тем, молва скоро разнеслась по окрестностям Олимпийских гор о сокровенном подвижнике. Вследствие сего один из иночествующих явился к преподобному и просил позволения остаться при нем, а потом нашлись и другие подражатели их жизни, и таким образом общество избранных умножилось до того, что преподобный поставлен был перед необходимостью выстроить кельи и церковь. Но там не дремал и враг, где возникал иноческий лик для славословия Божия: нашлись люди, которые дали знать владельцу того места, где поселился преподобный, по имени Сакку – агарянину, что в пределах его владения какой-то инок строит монастырь. Агарянин взбесился. Он тотчас явился в Лариссу к турецкому аге, в ведении коего состоял Олимп с его окрестностями, и, жалуясь на своеволие иноков, требовал, чтоб их предали суду, а между тем возникающий монастырь, как начатый без его позволения, уничтожили. Горько было преподобному, когда один из преданных ему, священник литохорийской деревни, известил его о начавшихся против него кознях. Чтобы дать

место гневу, он со слезами удалился оттуда в место, называемое Загораора, почти к Олимпу. Хотя и здесь нашел он не менее удобств для безмолвной жизни, как и на Олимпе, хотя и в этом месте слава подвижнической жизни окружила его множеством собравшихся иноков, но Бог призывал его на первое место к Олимпу и Своими судьбами устроил славное и торжественное туда возвращение следующим образом. – С того самого времени, как удалился преподобный с Олимпа вследствие неприязненных против него действий агарянина в окрестностях той горы случились чрезвычайная засуха и бездождие, так что жителям грозили голод и пагуба. К большей печали их налетела необычайная гроза и градом выбило фруктовые деревья, виноградники и нивы и даже повредило самые жилища. Громы разражались с необыкновенной силой; молнии сверкали ослепительно, поражая всех страхом и ужасом. Напрасно совершали молебствия и плакали: гнев Божий не утихал. Тогда все поняли причину своих бедствий. Сам агарянин, виновник изгнания преподобного Дионисия и братства его, ужаснулся и затрепетал, когда объяснили ему христиане, что Бог карает из-за святого отшельника. Наконец он решился послать от себя нарочных в соупутствии

нескольких христиан с просьбой к преподобному, чтобы, не помня обид с его стороны, он возвратился на Олимп и продолжал там уединенную свою жизнь. Незлобивый старец был тронут смирением своего врага и снова погрузился в невозмутимую тишину олимпийской своих пустынь. С того времени подвижническая жизнь преподобного Дионисия текла спокойно. Чтоб чаще иметь в своей памяти святыя иерусалимские места, он и на Олимпе один из возвышенных холмов назвал Елеонской горой; одно место – Голгофой, а другое – Вифанией, куда и удалялся для совершенного безмолвия и тайных молитв. Между тем, преподобный положил себе за правило подниматься на вершину Олимпа два раза в год для совершения Литургии, а именно 20 июля и 6 августа, когда мы празднуем Преображение Христа Спасителя. Там построил он и храм во имя пророка Илии, куда монахи ежегодно в день его памяти, т.е. 20 июля, ходят и доньше. За таким образом ангелоподобной его жизни слава следовала, как тень за телом, а потому братство его до того умножилось, что он должен был устроить для него обитель, что и исполнил, сам трудясь наравне с рабочими и питаясь только

овощами. Теперь время сказать и о некоторых из чудес его.

По удалении Дионисия из обители принадлежащее ей место, весьма полезное и в том отношении, что там находилась пещера с живительным источником воды, занял пастух, устроил свой шалаш и скотный двор. Ученики преподобного напрасно просили его удалиться: пастух и слышать не хотел. Наконец преподобный возвратился и, узнав об этом насилии, кротко убеждал пастуха оставить обитель в покое и не отнимать достояния иноческого, но тот вместо повиновения досаждал старцу и знать его не желал. Тогда преподобный присовокупил: если есть воля Божия жить здесь инокам, то ты увидишь это... И несчастный пастух увидел следствия своего безрассудства. В тот же день, когда стада его рассыпались в пустынных пажитях вокруг монастыря, от скалы отторгся огромный камень и передавил значительную часть овец. Мало того: в стадах пастуха день от дня умножался падеж, так что в короткое время он лишился всех стад и сам впал в тяжкий недуг, от которого никакие обыкновенные средства не могли восставить его. Когда о его несчастье узнали соседи и выведали о причинах недуга – посоветовали ему обратиться к преподобному и

просить у него прощения и исцеления. Больной так и сделал. Преподобный, тронутый страдальческим его положением, благословил его и, в течение седмицы питая братской трапезой, совершенно возвратил ему здравие.

В другой раз преподобному случилось быть в местечке, называемом Турия, для исповеди тамошних христиан, так как они питали чувство особенного благоговения и преданности к нему. В числе их был один отъявленный и давний враг сего Божественного Таинства, не только не исполнявший никогда этого христианского долга, но и насмежавшийся над всеми, кто исполнение его считал необходимым условием к очищению себя от скверн греховных. Узнав об этом несчастном, преподобный просил, чтоб убедили его придти к нему для беседы. Несчастный послушался. Но вместо того, чтоб принять с убеждением наставление святого старца в рассуждении Таинства исповеди, он начал отвергать пред ним силу исповеди, так что преподобный, сильно огорченный демонским его вольномыслием, строго изрек слова святого апостола Павла: «Так как ты развращаешь правые пути Господни и издеваешься над словами моими и над заповедями Христовыми, несчастный, то вот рука Господня на тебе и гнев без милости на

доме твоём. Пусть чрез тебя уцеломудрятся и другие!» С этими словами преподобный оставил несчастного и удалился в свою пустыню. Суд Божий не замедлил. Едва только удалился преподобный, беззаконник впал со всем домом своим в недуг, от которого умерло его семейство, а сам он остался в жалком и страдальческом положении. Тогда некоторые из сродников его возвестили о нем святому и убедительно просили его придти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старец не отрекся: он отправился в селение, но прежде, нежели прибыл к больному, этот несчастный испустил дух без христианского напутствия. Преподобный горько жалел о таком событии. Подобное сему случилось и в селении святой Екатерины. Входя однажды туда, преподобный видит безчинные игры и хороводы девиц с юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинским торжеством разврата, блаженный приближается к толпе девиц и кротко говорит им: для чего вы, будучи девицами, так безстыдно играете с юношами, поете соблазнительные песни, возбуждающие сладострастие и в вас, и в них, и забываете, что смерть и суд Божий близок к вам? Девицы смутились и молчали, кроме одной, которая, отличаясь от других особенным безстыдством,

отвечала насмешливо: «Ах, вы, лжемонахи! Что тебе за нужда до нас? Знай себя. Сами-то живете вы дурно, а других учите целомудрию». – «Благословен Бог, устрояющий все на пользу! – строго произнес тогда старец, – чтоб и другие научились скромности, ты будешь примером того, как грозно карает Господь девическое безстыдство. Сказав это, он удалился. Вслед за этим на несчастную девицу, прежде чем она дошла до дома отца своего, вдруг напал бес: испуская пену, она билась о землю и была в самом жалком положении. Пораженные такой нечаянностью родители ее не знали, что с ней происходит. Тогда одна из подруг несчастной, бывшая свидетельницей ее безстыдства пред святым старцем, рассказала им о случившемся. Вследствие сего они отыскали преподобного и, припадая к стопам его, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старец был тронут слезами их и, помолившись, исцелил бесноватую, а она в благодарность Господу Богу за такое милосердие посвятила Ему свое девство и кончила жизнь в покаянии.

Монах в Веррии, знавший несколько грамоту, случайно увидел гадательную книгу и, с любопытством разбирая тайны сатанинского гадания, невольно проникся доверием к ним. Это не прошло ему даром: в следующую ночь он

увидел пред собой эфиопа исполинского роста, который говорил:

– Ты меня призывал, и вот я. Что тебе угодно – все исполню, только поклонись мне.

– Господу Богу моему поклоняюсь и Тому единому служу, – отвечал инок, угадывая, кто этот эфиоп.

– Так ты не кланяешься мне? Для чего же и призывал меня, позволяя себе чтение гадательных моих тайн?

С этим словом сатана дал сильную пощечину иноку и исчез. Чувство боли и страха пробудило инока: щека его распухла и почернела так, что страшно было посмотреть на нее. С каждым днем боль усиливалась и безобразила инока – от опухоли наконец не видно стало и глаз. Осведомившись о причине столь странной болезни, знакомые инока дали знать об этом преподобному Дионисию, который тотчас явился и, по совершении молитвы к Богу и Божией Матери, помазал елеем больное место. Инок тотчас исцелел и прославил Бога.

Одна старушка-вдова впала в болезнь и изъявила преподобному желание облечься пред смертью, которой чаяла, в ангельский образ. «Не бойся, старица, – отвечал ей божественный Дионисий, – по принятии образа иноческого ты будешь жить еще 12 лет». Так и

было, как предсказал боговдохновенный старец. Другая женщина имела единственного сына, который по чувству особенного сердечного влечения удалился на Олимп и там от преподобного принял пострижение, а потом, желая видеть свою мать, с благословения старческого явился к ней. Образ иноческий, который принял юноша от руки преподобного, сильно смутил несчастную. В порыве сердечного негодования на поступок сына она сорвала с него камилавку и, попирая ее ногами, требовала, чтоб сын ее по-прежнему одевался в мирские одежды. Бедный сын повиновался. Через несколько дней после сего пришел в то селение святой; в числе прочих подошла к нему и та жена; приблизилась поцеловать руку его.

– Не приближайся ко мне, несчастная, дерзновенно поправшая ангельский образ, надеясь иметь сына помощником в старости своей, – строго сказал ей старец, – ты увидишь, что завтра умрет он злой смертью; наслаждайся же следствиями твоего безрассудства и дерзости! И действительно, на другой день сын ее сорвался с высокого дерева и, по предсказанию преподобного, испустил дух. Другая старица, из деревни Платарийской, по имени Эгина, увидевши святого, сказала ему:

– Не могу более работать по старости моей и пропитывать себя; попроси Господа, чтобы Он упокоил меня.

– Не скорби, – отвечал преподобный, – ты сегодня умрешь. Вот тебе три сребреника на погребение.

Так и случилось. Старица внезапно занемогла и, передавши слова преподобного собравшимся к ней соседям, мирно вздохнула в последний раз.

Но наконец так много чудодействовавший и имевший дар предведения, много пострадавший от злых людей, особенно от агарян, божественный Дионисий и сам приблизился к исходу своему от времени в вечность, от земли – в обители Отца Небесного. Находясь в монастыре Димитриадском, когда братия читали полунощницу, преподобный, совершенно уже изнемогший силами, присел немного отдохнуть (это было в январе). По окончании полунощницы служащий иеромонах подошел к преподобному и, полагая, что он погрузился в сон, тихонько тронул его. Болезненный старец не дал ответа, а тот снова прикоснулся к нему и почувствовал, что тело его безжизненно, и только слабое дыхание проявляло еще не отлетевшую душу его. Пока окружавшие заботились о предсмертном положении старца, он вдруг произнес:

– Слава Тебе, Боже, слава Тебе! Благодарю Тебя, Владычица, за Твою милость.

На вопрос братии, как он чувствует себя, святой Дионисий слабым голосом сказал, что душа его была уже вне тела и он готов был явиться к Богу, но, чувствуя еще необходимость в покаянии, просил Владычицу дать на то время, и вот молитва его услышана.

– Ведите же меня на Олимп, – сказал он, – потому что там должен я умереть.

Желание его было исполнено. Впрочем, он не хотел окончить последние дни свои в устроенной им киновии, а просил проводить его на Голгофскую скалу, устроенную им в память палестинской Голгофы, и там собравшимся братьям объявил, что время его отшествия к Богу уже наступило. Плач и слезы иноков о разлуке с ним сильно потрясли старческое сердце. Передав им в прощальной беседе необходимые условия к достижению Царствия Божия, святой Дионисий распустил братию и оставил при себе только двух учеников. Через три дня после сего он удалился в свой олимпийский Елеон, чрезвычайно безмолвный и пустынный, но скончался в низинной своей пещере, близ киновии, где первоначально жил по прибытии на Олимп. Чрезвычайно трогателен последний предсмертный завет преподобного к

братии: «Живите по уставу Святой Горы, – говорил умирающий старец, – и подвизайтесь по возможности и силам, и Господь не оставит вас. Питайте друг к другу любовь, лобызайте странническую жизнь, смирение, молчание, молитву; посты, преданные нам святыми отцами, храните строго; всего же более берегитесь демонского самочиния и непокорности: самочиние горше всего! Кто в киновии будет иметь какую-нибудь собственность – деньги или одежды, такового изгоняйте, как нечистую овцу, могущую заразить и прочих. Как можно чаще исповедуйте свои помыслы, зная, что кто скрывает их от духовника, тот позволяет гнездиться в душе своей демонам. Если случится между кем неприязнь – примиряйтесь прежде захождения солнца, как повелевает Господь. Берегитесь праздности. Кто может и не работает, того по заповеди Апостола (2Сол. 3, 10) «не следует допускать к трапезе», а кто имеет надобность идти из монастыря, тот пусть сказывает о том игумену. Если позволит он, хорошо, а кто уйдет тайно, на его душе грех и он сам виновен в своей гибели. Изнемогающего терпите и исправляйте, как свой собственный член; сходок по кельям да избавит Бог, а особенно да не входит никто в

связь с молодыми. Венец же всего – любовь к Богу. Если исполните завет мой – милостив Бог – наградой за то будет Царствие Его. Если удостоюсь дерзновения пред Богом, и я с своей стороны не оставлю вас. А это узнаете из того, если со многими трудами и потом устроенные мной монастыри придут в совершенство. Видя сие, знайте, что я получил дерзновение пред Богом ходатайствовать о вас». В заключение он помолился о своих духовных чадах, благословил их и вслед за тем чрез несколько дней, а именно 24 января, мирно отошел ко Господу. Святое тело его было погребено в церковном притворе, устроенном собственными его руками, а впоследствии, чрез несколько лет, оно было открыто. Неизъяснимое благоухание поныне остается явным свидетельством благодатного проявления славы, венец которой в светлости святых преподобный Дионисий приял от десницы Бога, прославляющего славящих Его. Аминь.

* * *

61

Из Neoz Paradeisoz.